

Дня СУББОТНЕГО ВЕЧЕРА

Творческий
ПОРТРЕТ

ТРИСТА ЖИЗНЕЙ

Утро началось телефонным звонком. Федор Алексеевич взял трубку. Послышался незнакомый мужской голос:

— Поздравляю с правительственной наградой. Здоровья вам, больших успехов...

В этот день Федор Алексеевич Изюмов узнал, как много у него друзей в Магнитогорске, такие же добрые, дружеские слова он услышал и от встретившейся ему по дороге в театр группы студенток пединститута, и от каких-то двух женщин у театральной кассы, даже в зуборрачебном кабинете, куда зашел после репетиции — и еще от многих, близких и просто знакомых, и совсем неизвестных, но так приветливо улыбающихся ему людей.

Двадцать пять лет работы в одном городе, в одном театре, где что ни месяц — премьера... Хорошо это или плохо для актера?

Это ответственно.

Актер на сцене всегда узнаваем, пусть даже он прибегнет к самому необычному гриму, постарается изменить голос. И когда зрители досадуют на исполнителя, что он «повторяется», не внешняя «похожесть» здесь причиной. Это справедливый упрек за штамп, за использование все тех же раз найденных красок и приемов.

Но если актер в каждой новой роли, какими-то своими, лишь ему известными путями, уходит от сделанного раньше, он не примелькается, не наскутит, смотри его хоть каждый день.

Вот эта способность быть «неожиданным», свежесть исполнения, когда все в спектакле говорится и делается актером как бы в первый раз, и стали причиной прочного успеха Изюмова у магнитогорцев.

Его творческая биография берет свое начало в агитбригаде «Синяя блуза», на любительской сцене ТРАМа (театра рабочей молодежи). Здесь Федя Изюмов — мальчик из типологии, где он помогал отцу — переплетчику, узнал «первые радости» общения с искусством. Боевой была артистическая юность трамвайцев. Федору Алексеевичу вспоминается, как в 1929 году с началом коллективизации они поехали по деревням агитировать за колхозы, как тревожно было пробираться по темной улице села после спектакля, где они изображали плакатных кулаков и попов, а реальный кулак вполне мог пальнуть из-за угла в «городских».

Через 6 лет, закончив театральный техникум, куда Изюмов был направлен как один из наиболее способных участников ТРАМа, он пришел уже

профессиональным артистом в Смоленский театр.

Что он мог тогда, что умел? Выходил «в толпе», присматривался к опытным артистам.

И вот — традиционное актерское счастье! — из-за болезни исполнителя он получает роль Варлаама в «Борисе Годунове». Варлаам... Созданный гением Пушкина образ монаха расстриги, выпивохи и озорника. О такой роли начинающий актер мог только мечтать.

Этот спектакль стал поворотным для Изюмова, сделал его видным его яркое комедийное дарование.

За четверть века на магнитогорской сцене Федор Алексеевич много радости принес тем, кто любит театр.

Однако в полной мере его возможности были оценены не сразу. Долгое время мы видели в Изюмове, главным образом, эпизодического актера, умеющего мастерски сыграть роль порой в 3—4 фразы. Всего несколько минут находится на сцене его трубач («Егор Бульчов»), а нам так ясен весь он, этот незадачливый лекарь, «пользующий» своих пациентов игрой на трубе, жалкий, в сущности, человек, который

деньги лобит не от жадности, а потому, что дома — нищая семья. А изюмовский могильщик из «Гамлета» — кладбищенский философ, чьи афоризмы, меткие словечки подаются актером во всем блеске их немешливого здравомыслия.

Это искусство эпизода достигает большой высоты в таких последних работах Изюмова, как Приходько («Тяжкое обвинение»), играя которого артист находит множество оттенков, характерных деталей. А с его дядюшкой Гунаром («Чрезвычайный посол») словно врывается на сцену солонный запах моря. Даже Ухов, совсем уж крошечная ролька, встает в спектакле «Стройфронт» как живая, достоверная фигура.

Но лет десять назад, когда в репертуаре Изюмова появились Шадрин («Человек с ружьем») и Глоба («Русские люди»), артист убедил, что он может показать характер и в процессе его длительного развития. Шаг за шагом, проведя Шадрина — крестьянина, одетого в солдатскую шинель — через окопы, революционный Петроград, Смольный, где он встречается с Ильичем, исполнитель подводит своего героя к постижению

ленинской правды. И хотя Шадрин и фельдшер Глоба, с песней идущий в тыл к фашистам на верную смерть — люди разных исторических периодов, их, в исполнении Изюмова, роднят общие черты русского национального характера, бесстрашие, с каким русский человек отстаивает дело, которое считает правым.

Нет, не только смешить умеет Изюмов. Он может сделать и так, чтобы у зрителей сжалось сердце от боли за человека, как это было, когда он показал нам чеховского Телегина («Дядя Ваня») — бедного, обездоленного «Вафлю». А в спектакле «Совесть» артист убедительно рассказал драматическую историю инженера Птенцова, который решается, наконец, быть честным — выступить против директора института, карьериста и очковтирателя.

За последние годы все яснее видишь движение артиста от эффектных и броских комических деталей к внутренним психологическим ходам роли, к постижению духовной природы образа. Конечно, Федору Алексеевичу не может быть безразличны и громовый смех зрителей, наблюдающих, с каким неуклюжим усердием «дезертир» Брюхатов («Покушение на Прометея») пытается прибить подметку своего прохуdivшегося сапога. Но может быть вдвойне дороже ему сосредоточенная тишина зала, когда этот темный селянин, думающий только о возвращении «домой, к Домане моей», принимает вдруг решение идти защищать Советскую власть от вильгельмовских солдат.

Триста ролей, триста прожитых жизней, триста разных характеров, которые надо сделать «своими». Таков творческий багаж артиста за 32 года работы на сцене. Встречались среди этих ролей и совсем неблагодарные, незначительные пустышки, но не было случая, чтобы Федор Алексеевич сказал хоть слово протеста, сослался на свое «ведущее» положение. «Премьерство», актерская зависть совершенно чужды ему, человеку исключительной творческой дисциплины, для которого сцена никогда не была «выставкой для самопоказывания», но всегда — местом, где предельно должны раскрыться возможности художника, чтобы зритель ушел из театра обогащенным.

О. КАРПОВА.

На снимке: артист Ф. А. Изюмов в роли Гунара («Чрезвычайный посол»).

Фото Ю. Погребнякова.

